

КЛАССИКА РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

М.М. Ковалевский

СОЦИОЛОГИЯ НА ЗАПАДЕ И В РОССИИ*

Когда О. Конт приступил к чтению тех лекций, из которых составилось его шеститомное сочинение о «Положительной философии», несколько десятков человек, не более, сидели на скамьях частной аудитории на rue de Toumon. До нас дошел отзыв одного из русских туристов, случайно попавшего в Париж, о впечатлении, вынесенном им из этих конференций, — отзыв некого Салова. Он отпечатан был много лет тому назад в журнале «Русская мысль». Салов в высшей степени заинтересовался тем, что Конт говорит о новой науке — социологии; он отмечает в то же время с изумлением сравнительное равнодушие широких кругов парижского общества к возникающей научной философии и отвлеченному обществоведению.

С этого времени прошло значительно более полувека. На конгрессе Международного института социологии, собравшемся в конце октября 1912 г. в Риме, на его Капитолии, итальянский министр народного просвещения Луиджи Кредаро, напоминая изречение Спинозы: «не плакать, не смеяться, а понимать», признает за социологией не только право на самостоятельное существование, как той научной дисциплины, которая синтезирует конкретное знание, сообщаемое всеми и каждой из общественных наук, но и прославляет величие поставленной ею цели — определение причин и хода человеческого прогресса. На социологию падает великая и ответственная задача: «Необходимо считать столько же ее правом, сколько и обязанностью, — сказал министр, — выступление на поле практической жизни силою, направленной к сплочению государства и установлению прочной социальной гармонии».

Читая эту речь, мне припомнились слова жандармского полковника на границе, допрашивавшего меня: «Нет ли у вас книг по социологии? Вы

* Печатается по: Новые идеи в социологии / Под ред. М.М. Ковалевского, Е.В. де Роберти. Сборник первый. СПб.: Изд-во «Образование», 1913. С. 1–10.

понимаете... в Россию — это невозможно». Вспомнилось мне сожжение книги весьма консервативного американского писателя Уорда под заглавием «Динамическая социология». Автор ее до сих пор уверен в том, что поводом к сожжению послужило смешение «динамизма» с динамитом. В нынешнем году «Международное обозрение социологии», выходящее в Париже под редакцией Рене Вормса, праздновало двадцатилетие своего существования. На последнем номере «Итальянского обозрения социологии» помечен год шестнадцатый. Европа покрылась целой сетью социологических обществ, начиная от Парижа и Лондона и оканчивая Берлином, Веной и Римом. В Сорбонне открыта кафедра социологии и ее занимает хорошо известный автор «Разделения общественного труда» Эмиль Дюркгейм. Под его редакцией вышло за последние десять лет немало «Ежегодников социологии», толстых томов, поставивших себе задачей обозреть то, что в течение 365 дней напечатано было по вопросам обществоведения. В немецких университетах, начиная от Берлина и оканчивая Килем, читаются лекции по социологии, и имя Зиммеля, в частности, не менее известно, чем имя Шеффле или Гумпловича, давно читавших лекции по социологии, один в Вене, другой — в Граце.

«Международный социологический институт» собирается каждые три года — то в Париже, то в Лондоне, то в Берне, то в Риме.

Социологическое общество в Париже заседает ежемесячно. Преподавание социологии на правах необязательного курса производится ежегодно и в парижской «École de droit» и в «Высшей школе общественных наук», созданной более двадцати лет, тому назад по инициативе кружка парижских ученых и руководимой известным профессором Круазе.

В некоторых провинциальных университетах Франции, в том числе в Бордо и Тулузе, также читаются курсы по социологии. Брюссель с его двумя университетами, вызванными к жизни частной инициативой, является одним из деятельных очагов новой науки. В наиболее молодом из двух его университетов де-Греф почти четверть века преподает ее общие начала, выпуская в свет такие сочинения, как «Общая структура человеческих обществ» (3 тома), «Общественный трансформизм», «Экономическая социология», «Социологические законы», «Введение в социологию», элементарный ее курс — «Учебник по социологии». Этот учебник принят за руководство во многих американских университетах — от Атлантического океана до Тихого. Социология вошла в число предметов, читаемых в высших школах, как казенных, так и частных. В Чикаго проф. Смоллем издается вот уже много лет ежемесячник под заглавием «Американский журнал социологии».

У нас существует всего-навсего одна кафедра на всю Империю в 160 миллионов жителей и то в частном университете, в Психоневрологическом институте, получившем свой устав непосредственно от Монарха, минуя Министерство народного просвещения. А то бы случилось с ним то же, что и с Педагогической академией, в которой место социологии заняла энциклопедия права, разумеется, против воли инициаторов этой также частной Академии.

Нужно ли говорить, что в казенной <системе образования> ничто не напоминает даже о существовании целой иерархии конкретных наук об обществе, завершаемой абстрактной, так называемой чистой социологией. Все они сведены к одной — к финансовому праву. Меня менее бы поразило известие, что в Нанкине или Пекине создана кафедра социологии, чем слух о том, что г. Кассо затевает такую реформу в Москве или в Петербурге. А между тем в Китайской республике, несомненно, имеется препятствие к созданию такого преподавания, которого нет в России. Социалисты, к числу которых принадлежит идейный руководитель желтой расы Сун-Ят-Сен, относятся к социологии с некоторой подозрительностью: наука, проповедующая общественную солидарность, как бы подкапывается под их сгедо общественной борьбы. Многим кажется, что не ей задаваться мыслью об организации труда, как одной из частных проблем социального порядка. Ведь такая организация признана была Луи Бланом необходимым выводом его социальной схемы и задуманных им национальных мастерских. Социология тем уже вызывает опасение самых левых течений общественной мысли, что, повторяя завет своего основателя, она не видит возможности обеспечить прогресс или поступательное развитие человечества без прочного общественного порядка, а это, очевидно, идет вразрез с проповедью анархии, даже наименее воинственной, хотя бы приходящей к признанию возможности обходиться без правительства, проводя в жизнь начала экономической взаимности.

Консервативные круги европейского общества, к которым Конт обратился в конце жизни с призывом положить научную философию и социологию в основу их практической деятельности — к счастью, не осуществили его заветов, и социология с ее теорией прогресса осталась путеводной звездой для партий, озабоченных поступательным ходом человечества. Но, разумеется, она никогда не могла удовлетворить «ликвидаторов» самого общества, так как направлена к его сохранению и дальнейшему развитию. Что этого не понимает полиция, едва ли может поразить кого-либо. Но что ту же непонятливость обнаруживает ведомство, которому вверены заботы о воспитании подрастающих поколений — это по праву может быть отнесено к числу совершенно непонятных «недоразумений». В Америке и в Европе такому недоразумению настал конец. Министры и президенты приветствуют социологов, съехавшихся на международные конгрессы, и устами Казимира Перье, как я сам могу засвидетельствовать, предвидят от их трудов «пользу для всех народов и государств».

Несравненно важнее всего этого признание, недавно сделанное немецкой прессой, что между социологами, прибывшими на съезд, нельзя указать ни на одного «умственно-ограниченного» человека. Таково уже свойство самой науки, не довольствующейся простым анализом и требующей синтетических обобщений.

Будем надеяться, что задуманное нами издание «Новых идей в социологии» до некоторой степени рассеет предубеждения наших руководящих сфер против науки, не допускающей чистого эмпиризма в деле общественного и государственного строительства. Завоевывать русские уче-

ные и интеллигентные круги ему едва ли придется, так как они давно стали на сторону восполнения положительного знания наукой, которая охватила бы необозримую массу конкретных обобщений, даваемых историей, экономикой, статистикой, политикой, правом, этикой, коллективной психологией, эстетикой и установила бы вместе с тем элементарнейшие законы человеческого общежития.

Социологией, несомненно, интересуются в наши дни и математики, и физики, и биологи. И Мах, и Оствальд, и Мечников, и Тимирязев — я называю наугад приходящие мне на память имена наиболее популярных у нас представителей точного знания. Мне неизвестны также историки, сколько-нибудь склонные к обобщению, которые бы не видели необходимости создания научной дисциплины, синтезирующей и сводящей в систему их по необходимости распавшуюся на специальности работу. Спор между ними идет только о том, быть ли этой дисциплиной облюбованной в Германии философии истории, или более широкой науке отвлеченного обществоведения. Многие в Германии еще не прочь связывать эту новую науку с судьбами той «психологии народов» (*Völkerpsychologie*), развитию которой одно время так много послужил издаваемый Штейнталем и Лапарусом специальный журнал. В народную психологию Вундта, например, вошло не мало того, что принадлежит к области социологии. Этнографы и географы не прочь также отнести к области этнологии и антропологии, в крайнем случае, до-истории начальные главы поступательного развития человечества, которые поэтому входят в общую теорию прогресса, а следовательно, и в социологию. Много, написанное Бастианом, Ратцелем, Постом или Колером, служит или материалом для социологии или может войти в нее на правах отдельных глав.

То, что мы привыкли называть генетической социологией, вполне обнимает затрагиваемую ими сферу вопросов о происхождении семьи, собственности и государства и т.д. Мак-Леннан и Морган, как и Вестермарк, сами того не зная, работали на пользу «новой науки об обществе». То же делали и делают на этот раз сознательно Ломброзо с его «уголовной антропологией» и Ферри с его «уголовной социологией». Ревнители так называемой коллективной психологии, начиная от Тарда и кончая Сигеле и Росси, также пишут одни начальные главы нашей науки. Я не прочь думать, что то же делают и Эспинас, и Романее, и те из наших биологов, которые, подобно проф. В. Вагнеру, занимаются психологией и общественным бытом животных. Зачатки общественности, где бы они ни выступали, не могут, разумеется, остаться безразличными для тех, задачу которых составляет ее изучение во всей широте и глубине. Наконец, мы не можем отказать в названии социологов и тем философам, которые, как например покойный Фулье, посвящали целые тома изучению «идей-сил», или «психологии рас», — недаром в новейшем номере «Международного обозрения социологии» напечатана обширная статья о А. Фулье, как социологе. О нем сказано, что он считал предметом новой науки природу, происхождение и развитие общества, под влиянием причин: физических, биологических, психологических и, наконец, социальных.

Совокупностью всех их определяется, по его мнению, как организация, так и эволюция общества. В числе этих причин Фулье ставил и то представление, какое общество имеет о собственном своем устройстве и о будущем развитии. Общественным фактом он считал воздействие одного сознания на другое и реакцию, обнаруживаемую совокупностью всех сознаний, на сознание индивида.

Немало также экономистов, которые не прочь считать односторонними выводы, построенные на основании той начальной посылки, что человек — существо исключительно эгоистическое, а потому и желали бы рассматривать экономические явления под более широким углом зрения в тесном взаимодействии с другими сторонами общественности и в исторической перспективе. А это возможно только при условии ввести хозяйственную жизнь в ее непрекращающейся эволюции в более широкую область социальной жизни вообще, что, в конце концов, сводится к проверке социологией экономических теорем и простых гипотез.

Преподавание социологии не исключает, разумеется, параллельного изучения конкретных дисциплин об обществе; она только вносит в существующий теперь хаос систему и единство. Мы выходим из высших школ, посвященных общему образованию, с некоординированными представлениями и о нравственном долге, предписываемом нам практическим разумом, и о хозяйственном расчете, подсказываемом нам себялюбием, и о праве, заключающем в себе веления, отвечающие пользе и нуждам государственным, и о религии, открывающей нам пути к вечному спасению. От столкновения этих непримиримых понятий загорается в нашем уме многолетняя борьба, исходом которой нередко бывает подсказываемое жизнью веление подчинить силе — право и этику — хозяйственному расчету.

Едва ли хаотическое состояние наших основных понятий может иметь счастливый исход для практической деятельности.

Социология, по крайней мере, способна была бы научить нас одному — необходимости искать в велениях и здравого эгоизма, и, по-видимому, противоречащего ему альтруизма, и в требованиях государственности, и в велениях церкви осуществление начал, подсказываемых нам заботою о сохранении и дальнейшем развитии общественности.

Сравнительная история религий в такой же степени, как и сравнительная история нравов, юридических обычаев, экономических отношений и государственного уклада, заодно указывает нам общественный источник всех тех заповедей и заветов, в которых в разное время народы синтезировали принципы человеческого общежития, выдавая их нередко за волю самого божества. Такие воззрения, например, как то, что государство должно быть подчинено праву, что последнее неразрывно с этикой и т.д. и т.д., едва ли могут найти научное обоснование без помощи социологии, а этого одного, по-моему, достаточно, чтобы доказать ее громадное воспитательное значение и необходимость дать возможно широкое распространение в области преподавания. Очевидно, однако, что рассматриваемые ею вопросы слишком сложны, чтобы быть доступными пониманию низшей школы. Я не сторонник составления для нее ни «по-

литических, ни социальных катехизисов», вроде тех, какие изданы были французским министром народного просвещения Полем Бэром. Но я не вижу причины, по которой элементы социологии не могли бы войти в состав знаний, сообщаемых в сколько-нибудь систематическом виде ученикам средних школ. На западе нет недостатка в учебниках, составленных для этой цели. Упомяну для примера о тех, какие принадлежат, например, французцу Паланту, итальянцу Морселли, бельгийцу де-Грефу. Но главным очагом социологии, разумеется, должны сделаться университеты, причем чтение ее я считал бы полезным приурочить в равной мере и к юридическим и к историко-филологическим факультетам.

Но все это *piadpesideria*, которым едва ли суждено осуществиться, по крайней мере, до тех пор, пока в сознание «пастырей народных» не проникнет убеждение в опасности предоставлять управление тем, кто не знает тесной связи, в какой порядок и прогресс стоят не от одного исполнения велений начальства, но и от взаимодействия государства и права, экономики и политики, с требованиями общественности, находящими выражение себе в нравственном законе.